

ПОЭЗИЯ

И радуга в устах ТВОИХ ЦВЕТЁТ



Анна Ахматова

Гроза

...Мгновенье – и плывут аркады,
розарий скошенный, самшит,
а в хрустале густой лафит
кипит в потоках водопада.

Осыпан мрамор балюстрады
багровым ливнем тщетных слёз,
но свергнут идол тёмных лоз:
ни дев, ни лепета, ни сада –

Гроза... Над кровью винограда
взрывает бездны, как кристалл,
и щерит фосфорный оскал
нездешней, стиксовой менады...

Непознаваемое

Под ветхой дерюгой
бессвязную тему дождя
ловлю.
Фантазия... морок? Бог весть.
Глух музыкант.

О красота, перестань! Захлебнуться тобой...
Вышних томлений шифр
ощупью лишь
могу угадать.
Плоти невод истлел.

Камушки Дария

*Не две ли малые птицы продаются за ассарий?
И ни одна из них не упадёт на землю без воли
Отца вашего.*

Мф. 10:29

*Камни – безмолвные учителя, они делают безмолвными тех,
кто их наблюдает, и лучшее, чему от них можно научиться,
невозможно сообщить другому.*

И. В. Гёте

Малые птицы, вспорхнув,
попирают с изяществом чуждых
миру – камни твои, руины твои,
владыка Суз многоцветных, осмеянный деспот.

Круто рога наклонив,
истуканы быков среброрунных
чают жертвенной крови, ноздри раздув,
как прежде – флейты пустынную песнь заслышав.

Что же, и здесь, мой архонт,
юрко спуют воробьи,
суетятся меж храмовых трещин,
пухом шпаклюя дома – эти скважины царства Аида.

Так, Персеполис не тот...
Ахемениды прошли,
Александра истлели доспехи,
Прах обожжённый над кузней стоит.
Неизбывно лишь чёрствое небо.

*Colias erate*¹

Ливан омыт шумящими валами,
Сарепта дышит негой. Чуть рассвет
подёрнет дымкой спящую долину –

двух малых крыл чарующее пламя
коснётся уст нечаянно – в ответ
лишь вздох прервёт молчание теснины.

...Так пеплос твой, чуть припорошен снами,
скользнув, оставил след свой золотой
на каменной улыбке истукана.

Судьба моя, что было между нами?
Кто жил – а кто здесь грезил под луной?
И чья вовек не заживает рана?

¹ *Colias erate* (лат.) – желтушка степная. Бабочка, нежно-лимонного и золотистого цвета, имеющая ареал обитания от Малой Азии до Японии.

Песни за спиной¹

Подобно тому, как я умираю и, умирая, живу, – так и вы будете умирать и возвращаться к жизни... Надо просто сбросить кожу.

Из африканских мифов

120

Лодки Ботсваны² черны, их долбленные полые створки – желоб тягучих посланий; как те погребальные дроги, тихо скользят в тростнике под расплавленной камедью неба, узкой калёной стрелой рассекая смолу двоимирия, между «сейчас» и «когда-то» вскрывая тягучую плевру. Манят вдали голоса – и уже за спиной – а когда переход совершился? Словно калигвы³ пустытника – к ночи их тени неспешны. Кто тут Харон, и куда Окаванго⁴ стремится?.. Полые флейты вздыхают, а время внимает безгласно, молча дары принимая и молча дары отвергая. Сносит поток шелуху, семена прибирая для жатвы.

Экзистенциальный кризис
средней полосы

И аккурат на излёте августа,
как ком, подступает, до слёз –
предчувствие смерти, смятение ярости,
спектральный авитаминоз.

И нету спасенья... Дойдёшь до крайности.
Обрушив мирьяды звёзд,
твой Ангел-строитель из пресной данности
всё ладит ковчег ли, мост.

Карабкайся, рвись, выгребай к неизвестности,
по полной платя, всерьёз.
И – пей бесконечность. Иначе не лечится
бытийный авитаминоз.

¹ Согласно некоторым африканским мифам, люди появились из тростника. По верованиям племён, на реке можно услышать пение и музыку умерших, звучащие до тех пор, пока человек не приблизится к тому месту, откуда они раздаются. Затем эти песни слышатся уже за спиной.

² Узкие, низкие лодки-долблёнки (мокоро) из ствола так называемого чёрного дерева, управляемые шестом.

³ Калигвы – кожаная обувь, ладьевидные сандалии с закрытым вострым носком.

⁴ Окаванго – разветвлённая речная система в Южной Африке, не впадает ни в море, ни в озеро. Петля по многочисленным лабиринтам каналов, исчезает в болотах на северо-западе пустыни Калахари.

Связной

Скрипит натужно ось, над мглой кренясь.
Земных слепит – и прячет Асгард¹ око,
щадя тебя – и огненная вязь
проходит сквозь расплавленным потоком.
И радуга в устах твоих цветёт.
Ещё чуть-чуть... и сдастся тайный код.

Призвание

Алчный ветер, вздохнув, возвращает застрявшую между мирами посылку:
получи-распишись; маркирует брильянтовым шифром прозрачный
уток паутины,
как повестку – в расход ли, в тифозный барак ли глухой пересылки.
Или где-то соскучились, Спа́се², по блудному сыну? О Ра́ю, мои палестины!

...О как жгуч этот выдох последний – то милость хирурга погибшему
в волнах.
Чья борьба здесь свершается? Мёртв я – все бездны Твои надо мною
прошли и сомкнулись.
Я не справился, Спа́се, и нет оправдания... Но слышу: «Иона, давай-ка
на волю.
Что бежишь от меня! Разомкни камень уст, чтобы мёртвые
камни проснулись».

*Et in morte*³

Светает... Отчего призыва
ждёт прах, колеблемый огнём.
Над перламутровой долиной
бледнеет звездный окоём.

Над нами пламя орифламмы⁴
качается, как фимиам.
Мрак свергнут. Солнце Согдианы⁵
в сердца заглядывает нам.

...Я Твой – и ныне, и по смерти.
Твой весь, вплетая крови гул
в орган песчаной круговерти,
и в млечный шорох звёздных рун.

¹ Асгард – небесный град, мир богов-асов, небо и будущее.

² Спа́се, Ра́ю – звательный падеж в старославянском языке.

³ *Et mortem* (лат.) – и в смерти.

⁴ Священный штандарт французских королей, запретольная хоругвь.

⁵ Древнее название области в Средней Азии. «Согд» – священный, горящий, чистый – по преданию, обителище ариев и согдийцев.

Снег

Metamorphosis¹

Смотри, Податель снежных орд
протил нам долг, как стёртый реверс².
Распорот чёрный небосвод,
дымится серп, сквозь рану щерясь.
И отменяя страх как ересь,
всё вспять, всё наново живёт.

Поверх реалий

Пролетели, улетели стая лёгких времирей...

* * *

*Словотворчество – враг книжного окаменения
языка и, опираясь на то, что в деревне около
рек и лесов до сих пор язык творится, каждое
мгновение создавая слова, которые то умирают,
то получают право бессмертия, переносит это
право в жизнь писем.*

Велимир Хлебников

Лишь сумерек кров отвори –
и нет больше блёклого лета:
всё вновь, всё иного цвета,
в Стожарах цветут времири,

бежит электричество в жилах,
шипит на запястье снежок,
грозы кислородный ожог –
и тот отменить не в силах

пространства озноб. Кометы,
грифоны, мирьяды миров...
Но Ангел Плеяд суров:
смахнул всё,дохнул – и нету.

¹ Превращение.

² Реверс – обратная, не лицевая сторона монеты.

Из глубины

*Нет у него утешителя из всех, любивших его;
все друзья его изменили ему.*

Плач Иеремии 1,2

Отъединён навек от яростной канвы
(жизнь сплюсчивает мозг,
корёжит строй мембраны),
всё помнишь вкус, увы,
амброзии и слёз,
но никогда – увы! – обещанной нирваны.

Нигде – сжимай, иль нет молитвенник травы, –
а не минувешь розг,
ни этой чёрной ямы.
Нет забытья для нас.
Жизнь – огненный нарыв.
И никаких прикрас, ниже¹ венцов за раны.

Электричество в жилах

Твой дом забыт. Алтарный камень зелен,
что малахит, и плети диких роз
роняют цвет на траурную зелень
под шорох электрических стрекоз.

Но прозелитством горю не помочь –
распалась цепь, и съёжилась структура.
Ты слышал: вот в такую точно ночь
твою истяжут душу – *Fatum dura*².

Так правь пиненом медный купорос,
и пурпур обрати имприматуры³
в дыхание полуденных мимоз –
иль в желчь судьбы, ожог её микстуры;
в солёный бриз; шипящий фосфор гроз...
Пусть горлом кровь – не надо лигатуры⁴.

¹ В древнеславянском языке частица «ниже́» употребляется в значении «и не», «и ни». Частица «же» применяется как усиление отрицания.

² *Fatum dura* (лат.) – судьба сурова.

³ Цветная тонировка поверхности готового белого грунта, первый слой краски.

⁴ Нить, используемая в перевязке кровеносных сосудов. Процесс перевязки с целью предупреждения или остановки кровотечения.

Дому Трагика в Помпеях

*Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?*¹

Марк Тулий Цицерон, Речи против Катилины.

124

Есть Везувий и есть человеческий рой –
безрассудная братия эта.
И как следствие – ты, погребённый горой,
Дом Трагического Поэта.

Против Терм, что на Форуме – их не пройдёшь,
у разрушенных капищ Фортуны,
В неказистом проулке предательски дрожь
пробирает оглохшие струны.

Почерневшая сень, тесных выступов ряд...
трансформаторной будке подобен –
ты встречаешь туриста молчаньем цикад
и гексаметром стоек и кровель.

Ни за грош, Катилина, цветущая твердь
отдана истребляющей воле!
Геометрия права – расцвести и сгореть.
И брожу, повторяя: «Доколе...»

Безымянный аэд, что хотел он вместить
в тесный слог лабиринта и света?
И гудит мой чердак, резонируя: «жить»,
обожжён дешифровкой лета.

Фауст

Веет, вишь, во все концы метель,
Сеет прах... А ты – посеял цель.
Белый морок, шорох-круговерть...
Цедишь опыт, а на донце – Смерть.
Спеленает, время запретит:
Стоп-машина. Я – твой Вечный Жид².
Дар к оплате, милый ротозей!
Для тебя мой новый Колизей.
Что, болтун, кто мир спустил за так?
Брось свой замусоленный пятак.
Видишь, спорит ушлый мой народ
Кто забьёт пергой³ твой мёрзлый рот,
Склеив лепет жадный на устах.
Милый прах... Весёлый нежный прах.

¹ «Доколе, Катилина, будешь ты злоупотреблять терпением нашим?»

² Вечный Жид – иерусалимский сапожник Агилер, по преданию обречённый скитаться до Второго пришествия Христа.

³ Пыльца, сложенная и утрамбованная в соты, залитая сверху мёдом.

На рубеже

Берте Лучовой, на стихотворение «В сельпо за мушмулой...»

«В сельпо за мушмулой», – ты говоришь.
 «Бросай тут всё...» – бормочешь, улыбаясь
 (сама с собой – всегда сама с собой),
 и явь, пуста как морок, уплывает,
 как горький дым дешёвых сигарет.
 И вот стоишь – на рубеже, на кромке,
 кулёк ненужный к сердцу прижимая,
 в отверзшуюся глядя немоту.
 Лодыжки овевают полдня жар,
 озноб и сладкий ужас бродят в венах,
 и поршень ледяной взрывает кровь:
 вернуться вспять – иль сделать шаг последний.

125

*Misericorde*¹

Только затеплится утро,
 жёнов высот зашумит –
 вьюги колючая пудра
 запорошит мёрзлый скит.

Вот уж о нём ни приметы –
 скляница жизни пуста.
 Спрячь нас за пазуху лета
 кроткая Мати Христа!

Ангельский рой ждёт подмоги.
 Азбука зимних небес:
 вымеси глину тревоги
 в хлеб неизбывных чудес.

Много голодных на свете –
 сердце живое не спит.
 Лишь распахни свои клетки –
 птичий народ налетит:

писк и возня, и забота...
 В пряже устанут сновать
 пальцы озябшие Клото².
 Зрячему – можно ли спать.

¹ *Misericorde* (лат.) – милосердие, пощада

² Клото – персонаж древнегреческой мифологии, одна из мойр, прядущая нить жизни.

Путь малых сих

Праведных души в руке Божией, и не прикоснётся их мука.

Книга Премудрости Соломона

В прохладе нартекса цвирикает сверчок,
и ласточка снуёт туда-сюда.
И думаешь: блаженная судьба –
свил нить свою – и в домик, и молчок.

Resurrection¹

Апельсиновый жмых фонарей
в мутной синьке и мёробе Святок².
Тлеет жизнь – запечатанный взяток³
в звонком улье завьюженных дней:
дар блаженных, юродство царей –
ладан, смирна, Аравии трата.
Домовины хрустальные латы
сокрушит ли хорал снегирей...

Ларь разбит! Где дары твои, плоть?
Янтарём на костре тает слиток.
Гефсимании огненный свиток
над пустыней морозной встаёт.
Лазарь, Лазарь!.. – Добычу зимы⁴,
Солнце мёртвых, из бездн отторженья
(что Аид, что печать пораженья!)
как горушное⁵ семя – прими.

126

¹ *Resurrection* (лат.) – воскресение.

² Двенадцать праздничных дней «от звезды и до воды», от появления первой звезды в канун Рождества до Богоявления – крещенского освящения воды.

³ Мёд, собранный в улье.

⁴ Аллюзия на воскресение Лазаря.

⁵ Горчичное зерно – евангельский символ.